

Психологические механизмы и модели «рискового поведения»

Г. Н. Солнцева, Г. Л. Смолян

1. Начальный этап. Психологический анализ понятия склонности к риску

С 20-х гг. XX в. понятие «риска» рассматривалось в психологии применительно к сферам коммерции, медицины, развития технологий, в частности, через призму вычислений шансов того или иного исхода и предсказания на этой основе вероятности успеха или эффективности осуществляемых выборов. При этом основное внимание уделялось оценке несоответствия целей и результатов действий, исследованию постановки и достижения целей в условиях неопределенности, измерениям «ожидаемых ценностей» и т. д.

Развитие психологии принятия решений (ПР) и психологических концепций восприятия, принятия и реализации риска в поведенческих стратегиях) привело к структурированию следующих областей исследования. Было показано, что на «рисковое поведение» могут воздействовать 4 группы факторов: характер задачи, ситуационные воздействия, личностные характеристики, влияние межгрупповых взаимодействий. Были выделены проблемы мотивации риска, субъективного восприятия риска, ситуационной регуляции риска и т. д. Эти проблемы изучались в контексте например, поведения игроков в казино или инвестирования в рискованные проекты), Состояние междисциплинарных исследований ПР в условиях риска к концу 80-х гг. за рубежом хорошо представлено в специальном номере альманаха THESIS «Риск, неопределенность, случайность» [1995].

В психологических моделях ПР о риске стали говорить применительно к классу ситуаций, где неопределенность исходов зависит не столько от изменений внешних обстоятельств, сколько от *субъективной неопределенности*, При этом психологический фактор риска приобрел значение угро-

зы недостижения поставленной цели или угрозы *невозможности контроля субъектом* развития последствий выбора. «Рисковые» (*рискованные*) решения рассматривались как неосторожные, противопоставлялись рациональным, или осторожным.

В русском языке изначально свойство *рискованность* связывалась с бездумными решениями или действиями. В словаре Даля глагол *рисковать*, имеющий французские корни, определяется так: «пускаться наудачу, на неверное дело, наудалую, отважиться, идти на авось, делать что-то без верного расчета, подвергаться случайности, действовать смело, предприимчиво, надеясь на счастье, ставить на кон, подвергаться чему-то, известной опасности, превратности, неудаче». Связь результата действий с не зависящими от субъекта обстоятельствами, а также неподготовленность, т. е. непродуманность его действий — вот основные характеристики «рискового поведения».

В обыденном сознании *риск действий* связывается в первую очередь с возможностью *потери* чего-то одного и *ценностью* чего-то другого (ради чего человек и может решаться на возможность неудачи). Отсюда возникает понятие *прагматического риска*, когда субъект рискует чем-то (будь то деньги или репутация) при взаимодействии с социумом. Чтобы сознательно идти на риск «потери» чего-то, у субъекта должна быть достаточно выражена мотивация соответствующих действий. Модели ожидаемой полезности широко используемые в теории принятия решений, дают конкретизацию этой мотивации, как максимизацию возможных выигрышей. То есть механизм прагматического риска связывает прагматическую мотивацию с достижением цели.

Но входящие в систему регуляции «принятия риска» личностные факторы могут быть самого разного свойства. Так, говоря о *гедонистическом риске*, имеют в виду субъективную ценность того или иного удовольствия, оправдывающего возможность потерь. Мотивационными факторами могут служить и моральные нормы, когда следование им в так называемой ситуации *личностного решения* может оборачиваться для субъекта прагматическими потерями, но приобретениями ценностного характера (возможностью поддержать самооценку, остаться верным себе, не поддаваться давлению из-вне и т. д.).

Как отмечает Т. В. Корнилова (1), в 60-е гг. были сформулированы первые психологические представления о рискованности, как личностном свойстве. Коган и Валлах, авторы теста «Choice-Dilemmas Questionnaire», считали, что существуют люди, у которых независимо от характеристик

ситуации, есть генеральная готовность к риску — *Risikobereitschaft*, и она дает сдвиг в их решениях всегда в одну и ту же сторону — большей рискованности выборов по сравнению с обычной выборкой. Согласно Кумбсу (2) величина риска может быть свойством индивидуальной функции предпочтений, по вершинам которой можно отделять более и менее рискованных субъектов. Так, в психологии предпринимательства склонность к риску рассматривается преимущественно в качестве профессионально значимой личностной предпосылки.

Готовность к риску как характерологическую составляющую «храбрости» анализировали многие зарубежные психологи. На примерах анализа конкретных жизненных ситуаций, которые бы следовало назвать критическими, они демонстрировали позитивную роль этого качества при желании человека действовать в соответствии со своими убеждениями.

В последующем стали выделять не генерализованное свойство склонности к риску, а эмпирически обоснованное (построенное на процедурах факторного анализа) более комплексное представление личностного риска. Так, немецкий исследователь Шмидт дифференцировал три составляющие этой готовности: а) *психическую* готовность к риску, связанную с готовностью противостоять угрозе своей телесной неприкосновенности, б) *социальную*, связанную с готовностью действовать непривычным образом, не обращать внимание на штампы или одобрение других, в) *финансовую*, как готовность к исходам с рисками, которые нельзя подсчитать, или беззаботностью в обращении с деньгами (3). В англоязычной литературе были представлены и другие психологические концепции рискованности, как свойства межиндивидуальных различий. В качестве частного свойства риск входил в фактор Q3 — импульсивности — в известном опроснике 16-PF Кеттэлла. Надо отметить, что подмена понятия готовности к риску понятием импульсивности была свойственна многим авторам. *Готовность к риску*, как подчеркивает Г. Айзенк (4), это — склонность к поиску сильных ощущений отличается от *импульсивности*, более тесно связанной с темпераментом.]. Ю. Козелецкий (5), говоря о возможности эмпирического определения групп «смельчаков» и «перестраховщиков», относит склонность к риску к личностным чертам, поскольку ее проявление детерминировано как средовыми факторами, так и другими личностными — уровень тревожности, агрессивности и др.

Представляют интерес следующие установленные психологические закономерности. Люди прилагают больше усилий и осмысленной осто-

рожности прилагают в *детерминистских* ситуациях, чем в ситуациях с *шансом*, или с вероятностным успехом, считая, что от их усилий мало что зависит, и они могут действовать более рискованно. Лица с превалирующей *мотивацией достижения* предпочитают средние уровни риска. А люди с *мотивацией избегания неудачи*, напротив, выбирают задачи либо с низким, либо с высоким уровнями риска. Таким образом, выпуклость или вогнутость функции *предпочтений риска* зависит от выраженности мотивации стремления к успеху или к избеганию неуспеха.

2. Психологические модели риска и реальные ситуации

Максимальное приближение психологических моделей к реальным ситуациям, в которых люди проявляют риск (а также готовность изменять ситуацию на основе принятия или отказа от риска), хорошо представлен в зарубежных исследованиях риска на дорогах, применительно к ДТП или личностной безопасности пешеходов. В других предметных областях психологические модели я риска и оценка реальных рисков развиваются независимо друг от друга. В первую очередь здесь следует назвать тему «риск и предпринимательство». Дело в том, что оценки коммерческих рисков осуществляются, преимущественно, в рамках тех или иных экономических моделей. В то же время психология предпринимательства, выделяющая личностную готовность к риску в качестве важнейшего — из способствующих достижению коммерческих успехов — качества ориентирована на проверку психологических гипотез и разработку средств личностной диагностики. Хотя велик соблазн прямых переносов общепсихологических моделей в организационную психологию, психологию менеджмента и предпринимательства.

«Рискованность» субъекта не совсем вписывается в систему личностных черт. Причина здесь кроется в своеобразии проявлений личностной активности. Готовность к риску предстает как динамическое образование, определяемое активностью самого субъекта, причем отнюдь не его «рациональностью или иррациональностью». Механизмом принятия риска выглядит по-разному, на разных уровнях регуляции — от реактивного поведения до уровня сознательного и ценностного отношения к принятию риска. Значительный интерес для понимания этого механизма представляет модель В. А. Петровского (6, 7).

3. Непрагматическая активность и модель «восхождения к риску» В. А. Петровского

Особенности поведения человека, подмеченные В. Петровским и описанные как феноменология непрагматической активности навстречу опасности, позволяют представить психологические механизмы риска в ином контексте, *чем риск при принятии рациональных решений, как это объясняется в теории менеджмента*. Речь идет, прежде всего, о мотивации и личностных свойствах человека, подвергающего себя опасности, идущего на риск. Центральной идеей концепции автора является идея неадаптивности.

В. Петровский подчеркивает, что фундаментальным признаком человеческой деятельности является то, что она не только реализует необходимые жизненные отношения субъекта, но и порождает новые. Деятельность субъекта раскрывает свою несводимость к первоначально зафиксированным жизненным ориентациям за счет включения в себя «надситуативных» моментов, т. е. излишних моментов с точки зрения реализации исходных интересов субъекта. Оказаться «над» ситуацией — это значит действовать, превышая «пороговые» требования ситуации, как бы подниматься над ними. «Надситуативность» может означать также и сочетание моментов принятия требований ситуации и преодоления их.

Инициация действий над порогом ситуативной необходимости дает нам начальную характеристику активности как момента прогрессивного развития личности. Подобное понимание активности было бы совершенно невозможно в рамках постулата *сообразности*, но именно оно позволяет конкретизировать и экспериментально обосновать существование феноменов неадаптивности..

Основная трудность, по мнению автора, заключается в том, что необходимо задать некоторый *критерий неадаптивности*. Такой критерий мог бы быть построен на основе соотнесения *цели и результата* деятельности. Адаптивность — в самом широком смысле — характеризуется соответствием результата деятельности индивида принятой им цели, неадаптивность — расхождением результата деятельности и ее изначальной цели.

Подобное расхождение цели и результата наблюдается повсеместно и повседневно и, конечно, не образует особой проблемы, пока имеются в виду всякого рода обычные действия типа опечаток машинистки, промаха

при ударе по мячу и т. п. Основной вопрос касается возможности *намеренных предпочтений неадаптивной стратегии действий адаптивной*.

Возможность поступать неадаптивно — это означает без всякого принуждения извне предпочитать действия, исход которых заранее не известен и может быть неблагоприятен для субъекта. Такие действия, именно в связи с неопределенностью возможного исхода и меры неблагоприятных последствий могут оказываться наиболее привлекательными для человека. В. А. Петровскому удалось установить круг таких неадаптивных предпочтений в экспериментальных обстоятельствах, моделирующих угрозу его физическому благополучию.

Неадаптивная активность в условиях потенциального риска основывается на гипотезе о том, что одной из возможных форм активности, к которым предрасполагает ситуация потенциальной угрозы, является активность, направленная навстречу опасности и выступающая как результат свободного выбора субъекта. Иными словами, предполагается, что человек способен идти на риск, не извлекая при этом каких-либо ситуативных преимуществ; в этом случае риск должен был бы выглядеть как «бескорыстный», или «спонтанный».

В. Петровскому удалось эмпирически проверить гипотезу, создав условия, в которых действия испытуемых могли бы реализовать двоякое отношение к тому, что предъявлено как цель деятельности и к ситуативному фактору угрозы, включенной в условия выполнения деятельности. Именно фактор угрозы рассматривался в качестве особого момента, побуждающего активность субъекта. В эксперименте использовалась модель слежения за движущейся целью при возможности самому субъекту устанавливать близость цели к «опасной» зоне. Опуская подробности модели, отметим, что *мера риска* зависела от самого испытуемого, при этом предпочтение «рискованных» выборов «нейтральным» не давало испытуемому каких-либо видимых преимуществ (наград, поощрений и т. п.) в сравнении с нейтральными вариантами. Таким образом, создавались условия для «бескорыстного» риска.

Итоги проведенного экспериментального исследования показали, что, т. е. 47 % испытуемых, осуществляли попытки выбора рискованных целей, при этом выбор, как правило, сопровождался выраженными признаками эмоциональной напряженности.

Результаты эксперимента подтверждают исходное предположение о существовании феномена *«надситуативного» риска*: около половины всех испытуемых входили в зону риска, хотя ни содержание инструкции,

ни введенный экспериментатором критерий успешности действия сами по себе не могли побуждать к риску.

Дальнейший психологический анализ феномена активности навстречу угрозе касался вопроса о возможной детерминации данной тенденции со стороны прагматически фиксированных «внутренних» переменных — таких, как стремление к личному успеху, выгоде, одобрению окружающих и т. д.

Проведенный эксперимент поставил ряд новых вопросов: в какой мере соответствуют друг другу «надситуативный» риск и риск «прагматический»? Как соотносятся явление «надситуативного» риска и уровень притязаний личности? Не сводятся ли случаи риска к проявлению потребности субъекта в самоутверждении?

Полученные в эксперименте результаты интерпретируются в терминах модели **восхождения к риску**

Автор анализирует следующие категории реакций на потенциальную угрозу.

Реакция избегания. К ней относятся следующие варианты реагирования на угрозу:

- А. Врожденные защитные реакции. В известной мере для живых существ есть универсальный тип реагирования — оборонительный рефлекс как реакция на экстраординарный раздражитель.
- Б. Индивидуально приобретенные реакции ухода от опасности, т. е. продукт собственного опыта взаимодействия индивида с угрожающим объектом; субъективно выступают в виде страха и стремления к бегству.
- В. Ценностно обусловленные реакции избегания — проявление социальных установок, побуждающих к осторожности. Все эти реакции можно отнести к факторам сознательной саморегуляции деятельности субъекта.

Стремление навстречу опасности. Здесь автор выделяет следующие три группы побуждений:

- А. Врожденная ориентировочная реакция.
- Б. «Жажда острых ощущений» как побуждение, обусловленное опытом преодоления опасности. Если в борьбе со страхом преимущества на стороне потребности в острых ощущениях и если тенденция к риску не будет заторможена со стороны ценностей осторожного поведения, то индивид проявляет склонность к «бескорыстному» риску.

В. Ценностно обусловленное стремление к опасности: социальные установки, диктующие предпочтительность рискованных действий в противоположность осторожным в некоторой произвольной ситуации выбора («риск благородное дело» и т. п.).

В. Петровский особо выделяет характерные проявления **активности** человека в ситуации запрета, т. е. социально заданных ограничений в осуществлении личного выбора. Ситуация социального запрета, так же как и ситуация встречи субъекта с естественным объектом, воспринимаемым в качестве потенциально угрожающего, может вызывать усиление исходного, уже имеющегося у индивида побуждения к действию или провоцировать запрещенные действия (ср. искушения жен Синеи Бороды).

Возможно, что при проигрывании воображаемых последствий опасного или запрещенного действия возникает страх (беспокойство, тревога и т. п.). В этих условиях мысленный образ рискованного действия превращается в действующую причину реального движения навстречу опасности. При этом на саму способность субъекта ограждать себя от «иррациональных» импульсов влечения к опасности как бы изнутри накладывается ограничение.

Таким образом, автором выделены как побуждения, отталкивающие индивида от опасности (реакции избегания), так и побуждения навстречу угрозе (реакции стремления к опасности). Взаимодействия между этими тенденциями в одних случаях склоняют человека к осто-

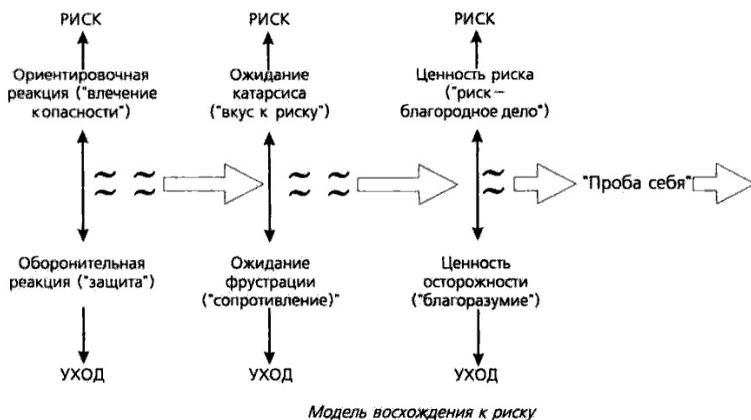

Рис. 1. Модель восхождения к риску

рожному поведению, а в других случаях предрешают рискованный способ действия.

Остается неясным, сосуществуют ли эти тенденции (принадлежащие различным категориям и уровням реагирования) одновременно и при этом относительно автономно друг от друга или «высшие» как бы «снимают» в себе «низшие». Сосуществование и противоборство означало бы, например, возможность таких сочетаний: оборонительный рефлекс, «жажда острых ощущений», «ценность риска» и т. п.

Большой объяснительный потенциал, по мнению В. Петровского, имеет гипотетическая модель принятия решения в ситуации потенциальной опасности. Он называет ее моделью «восходящего движения к риску» или «восхождения к риску» (см. рисунок). В этой иерархически организованной модели активности в ситуации опасности адаптивному импульсу к бегству на каждом уровне восхождения (врожденные реакции, индивидуально-приобретенные, ценностно-обусловленные) противостоит неадаптивный «порыв» к опасности.

Победа адаптивного над неадаптивным импульсом приводит к отказу от риска. Когда же верх одерживает неадаптивная тенденция — субъект рискует. Доминирование оборонительной реакции над ориентировочной, ценности риска над ценностью благоразумия обуславливает отказ от риска.

Противоположное соотношение (которое также может раскрываться «пошагово», последовательно) выступает как *фактор риска*. Но эти тенденции могут быть и уравнены по «силе». Такое уравнивание весьма возможно в силу действия механизма самоподражаний: чем более угрожающими представляются последствия рискованных действий, тем интенсивнее переживание страха («отталкивание») и в то же время тем крепче спаяны мысленный выход и выход действенный в зону риска («притяжение» к опасности). Когда различия между силами «отталкивания» и «притяжения» стираются, то выбор вариантов поведения оказывается, естественно, затрудненным.

В этом случае актуализируются побуждения, соответствующие более высокому уровню «восхождения». Так, «баланс» между оборонительной и ориентировочной реакциями индивида на определенную угрозу (поддерживаемый, возможно, механизмом самоподражания) служит фактором «включения» более высокого уровня регуляции поведения, отвечающего индивидуальному опыту субъекта. В случае баланса между указанными тенденциями актуализируется ценностный уровень регуляции поведения, обусловленный усвоением социального опыта.

Индивид при этом пытается в социальных ценностях найти опору или принятия и осуществления решения.

Принятие риска, равно как и отказ от него представляют собой акты, в которых проявляется *воля* человека; ведь в обоих случаях необходимо преодоление конкурентного побуждения. Однако преобладание ценностей риска над ценностями благоразумия выступает в форме активно-неадаптивных действий; противоположное соотношение — в гарантирующем сохранении *status quo*, т. е. отказа от риска «неоправданной авантюры». Здесь следует особо отметить, что ценности риска (по крайней мере в европейской культуре) всегда сочетаются с ценностно-обусловленной возможностью осторожного поведения, иначе говоря, *ценности риска не функционируют в виде всеобщих норм*, так же как и ценности благоразумия, осторожности.

В связи с этим особый интерес представляет случай возможного уравнивания ценностного стимулирования как осторожного, так и рискованного поведения. В этом случае человек, выступающий в психологическом эксперименте в роли испытуемого, может прибегнуть к выполнению совершенно особого действия, призванного преодолеть саму невозможность выбора, что составляет высший уровень проявления активности в ситуации потенциальной угрозы. Суть происходящего заключается в том, что человек испытывает саму способность осуществить выбор в ситуации ограничений свободы выбора (ограничений со стороны его собственных противоречивых побуждений к действию). И тогда обоснование своей *способности осуществить выбор* превращается для него в особую *задачу самопознания*. Это означает для индивида, в частности, что отказываясь от риска, он не справился с решением этой внутренней задачи. Кроме того, оценка индивидом своей способности осуществить волевой акт предпочтения, представляющая собой своеобразную «пробу себя», не может быть выполнена только во внутреннем плане. Акт пробы себя осуществляется не «про себя», не «в уме». Только реально осуществляемое индивидом *рискованное действие* может быть у него «аргументом» в решении этой особой задачи самопознания, самопостроения и рождения себя как субъекта.

Еще раз подчеркнем основные идеи концепции В. Петровского. Особое место прежде всего, среди психологических феноменов занимают проявления неадаптивной активности субъекта: стремления выбирать действия с непредрежденным исходом. Среди них — *феномен неадаптивного риска*, активность субъекта навстречу угрозе, не моти-

вированная прагматическими стимулами (пользой, выгодой, надеждой на успех и т. п.). Попытка интерпретации неадаптивного риска приводит к выделению двух классов действий: тенденций избегания опасности (ценность осторожности) и тенденций принятия опасности («жажда острых ощущений», ценность риска); эти тенденции относятся к уровням врожденной, индивидуально-приобретенной и социально-детерминированной регуляции поведения. Выбор рискованных действий интерпретируется как результат взаимодействия между тенденциями одного и разных уровней.

4. Теоретико-игровая модель «рискового поведения» В. А. Лефевра (8)

В контексте психологического исследования понятие риска характеризует сложный феномен, связанный с действиями субъекта в ситуациях опасности (ситуациях с опасностью), когда результат действия определяется принятым им решением. Как правило, человек рискует в силу обстоятельств, но выбирает действие сам. Опасность — это специфическая неопределенность. Можно утверждать, что если выбор принципиально зависит от субъекта, то ситуация опасности превращается в ситуацию риска. Психологически риск всегда сопровождается переживанием, обусловленным ожиданием неблагоприятного исхода.

Степень риска — сложное понятие и есть разные подходы к его определению. Степень риска может рассматриваться как цена решения, принятого в ситуации опасности, т. е. как ожидаемая величина потерь в результате действия. В практических задачах эта цена обычно соотносится с вероятностью неблагоприятного исхода.

Представим себе ситуацию опасности, в которой человеку предстоит выбрать один из двух вариантов действий.

Представьте себе речку и два мостика через нее: узкий и широкий. Человек должен перебраться на другой берег. Очевидно, существует опасность свалиться в речку, причем существенно большая, если человек переходит по узкому мостику. Если цена перехода по обоим мостикам одинакова, например, на другом берегу человека ждут одинаковые призы в 100 усл. ед. каждый, то реальной альтернативы нет и человек с вероятностью 1 выбирает широкий мостик, сводя опасность свалиться в речку к минимуму.

Ситуация опасности меняется и приобретает свойство рискованной (превращается в ситуацию риска), если исходы перехода по разным мостикам различны. Пусть приз за переход по узкому мостику составляет 200 усл. ед., а по широкому 100. В этом случае человеку предстоит выбор мостика. Понятно, что разные люди будут выбирать мостики с разной вероятностью. Эта вероятность и будет характеризовать степень риска, принятого данным субъектом.

Обозначим вероятность выбора узкого мостика — p , а широкого — q . Тогда можно утверждать, что человек склонен к риску, если $p > q$ или больше некоторой постоянной величины, определяемой внеситуационными факторами, например, психологической (собственной) ценностью риска для субъекта.

Соотношение этих вероятностей представляет собой самую общую математическую модель действий человека в ситуациях риска. Эта модель отличается от классической теоретико-игровой модели, поскольку последняя лишь предсказывает условия получения минимально гарантированного результата и является весьма ненадежным инструментом предсказания того, какие решения на самом деле могут быть приняты, если человек идет на риск.

Эта модель позволяет теоретически предсказать вероятность того, какое решение будет *скорее всего* принято. Во многих практических случаях этого оказывается достаточно, надо лишь научиться превращать численные значения вероятностей в словесные оценки.

Можно предложить идею экспериментального исследования предложенной модели.

Эксперимент проводится с различными игровыми матрицами, описывающими условия биполярного выбора (выбора одной из двух возможных стратегий действий).

Предварительно испытуемому разъясняется постановка задачи на примере выбора стратегии в игре 1, заданной следующей матрицей:

		Б		
		Стратегии		
			1	2
		А	Стратегии	1
2	1			2

Матрица содержит значения цены игры, т. е. выигрыши игрока **A** (соответственно проигрыши игрока **B**) при выборе каждым из них стратегий 1 или 2. В этой игре **A** с вероятностью $p = 1$ выбирает стратегию 2, гарантирующую ему выигрыш в любом случае, независимо от выбора стратегии игроком **B**.

Для эксперимента (игра 2) изменим матрицу следующим образом:

		Б		
		Стратегии		
			1	2
		A	Стратегии	1
2	1			2

Согласно теории игр **A** будет выбирать стратегию 1 с $p = 0,1$ и стратегию 2 с $p = 0,9$. Однако, игрок выбирает стратегию 1 с $p > 0,1$ это означает, что выбор не подчиняется теории игр и субъект идет на риск.

Испытуемому (эксперту) предлагается определить, какую стратегию в игре 2 будут выбирать *знакомые* ему люди. В экспериментах можно варьировать значения цены игры для первой стратегии S1, т. е. изменять значения 4 и 5.

Матрицы предъявляются на карточках или на компьютере. Количество испытуемых и экспериментов определяется при планировании эксперимента.

Результаты могут быть представлены в виде таблиц или круговых диаграмм, на которых изображаются численные значения выборов стратегии 1, т. е. склонности к риску различных людей.

Эксперимент может быть усложнен, если результаты оценки склонности к риску сопоставить с другими чертами личности, представленными в условных шкалах. Например, можно шкалировать такие черты как *щедрость* или *мнительность* в значениях от 1 до 100 с шагом 10, а затем на этой шкале отобразить значения склонности к риску для того же субъекта, полученные в эксперименте с игровыми матрицами.

Результаты эксперимента позволят яснее представить психологический срез феномена риска и представление о склонности к риску субъектов, обладающих различными личностными чертами.

Заключение

Согласно мнению ряда авторов, склонность к риску не следует относить к личностным чертам, поскольку она не универсальна и ее проявление обычно относится к определенному классу ситуаций — житейских, профессиональных, расцениваемых субъектом как не зависящие от его действий и др. Соответственно во многом спорным является и вопрос о возможности диагностики готовности к риску, как впрочем, и рациональности, в качестве личностных свойств. Другие авторы, не разделяющие эти мнения, связывают с готовностью к риску непрагматическую активность, т. е. готовность выходить за пределы ситуационных ограничений, а иногда ставить цели, предполагающие проверку личностных свойств и возможностей, или принимать позицию осознанного контроля над возможностями преобразования ситуации своими решениями и действиями.

Область психологических исследований риска, несмотря на определенные успехи, остается весьма перспективной для экспериментальных и модельных исследований.

Литература

1. Корнилова Т. В. Диагностика личностных факторов принятия решений // Вопросы психологии, 1994, № 6.
2. Coombs C. H. Portfolio theory and measurement of risc // Human judgment and decision processes. N.Y., 1975.
3. Корнилова Т. В. Диагностика мотивации и готовности к риску. М. ИП РАН. 1997.
4. Айзенк Г. Ю. Количество измерений личности: 116, 5 или χ^2 -критерии таксономической парадигмы // Иностранная психология, 1993, № 2.
5. Козелецкий Ю. Человек многомерный. Киев, 1991.
6. Петровский В. А. Неадаптивный риск и опыт интерпретации // Управление риском, 1997, №№ 3 и 4.
7. Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. М.: Горбунок. 1992.
8. Лефевр В. А. Частное сообщение. 2000.